

Родионова Мария

Взрыв Бетельгейзе

16+

Мария Сергеевна Родионова

Взрыв Бетельгейзе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42619589

SelfPub; 2019

Аннотация

Произошло то, чего никто не ожидал и не боялся – взрыв одной из звезд созвездия Ориона, которая находилась на расстоянии более чем 700 световых лет от Земли. Кому до этого есть дело? Тем более спустя 50 лет. Но что если этот взрыв все же повлиял на планету? Лишь немного, совсем чуть-чуть изменил судьбы нескольких людей. Может ли это изменить судьбу всего человечества, и так отравленного недавней войной?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

45

Взрыв Бетельгейзе

*Твои глаза открыты, вокруг не мрак,
Так почему не хочешь видеть мира?
Смотри быстрее, пока он не иссяк
В чужих глазах...от взрыва.*

«Всем нам прекрасно известна одна из самых огромных ошибок ученых двадцать первого века. Хотя, если мыслить шире, то эту же ошибку совершали ученые на протяжении последних пятисот лет, верно?»

«смех в зале»

Если же ты, наш дорогой телезритель, не потратил последние пятьдесят лет своей жизни на беспробудный сон, то наверняка слышал о взрыве одной из ярчайших звёзд нашего небосвода – Бетельгейзе. Взрыв взбудоражил все мировое научное сообщество, ведь к нему готовились не раньше, чем через несколько тысяч лет, а оказалось, что звезда стала сверхновой уже по меньшей мере пятьсот лет назад. Это событие могло наблюдать наше старшее поколение ровно столетия назад. Такая круглая дата. Ночь пропала на две недели, и люди выходили в три часа ночи на лужайку почитать вчерашнюю газету, потому что свет от лампы был слишком тусклым. Ах, как жаль, что мне всего тридцать шесть.

«ведуший наигранно утирает слезы»

Да-да, я знаю, что вы все сейчас думаете. У нас закончились интересные сюжеты, и мы решили уподобиться нашим коллегам с КуанТв – не обижайся Фрэнк – и клепать второсортные новости столетней давности. Ну что вы! Я никогда бы так с вами не поступил, дорогие телезрители. Уверяю, что сегодня мы, ШиФейТв, приоткроем завесу тайны, которая охватывает это грандиозное по своим масштабам событие и привнесет в вашу жизнь немного мистики.

«зал зааплодировал»

Сегодня ровно в 12.00 мы расскажем все секреты загадочной кометы и как изменилась жизнь людей на Земле. Я ведь не один заметил нечто странное, да? Следите за нашим ка...»

[Леон Мартис]

Леон Мартис одним нажатием кнопки обрубил все связи с миром по ту сторону экрана. Жаль, что он не мог сделать так с миром по эту сторону. Его раздражал ведущий, ведь таких лжецов еще стоило поискать. Если бы дело было в деньгах, Мартис бы понял, но одной встречи с этим белозубым плутом хватило, чтобы понять – ему это доставляет удовольствие. Эта мысль навела мужчину на желание выпить, но через пару часов предстояла изматывающая нервы и душу работа. «Выпью после всего этого цирка», – мрачно подумал Мартис и с усилием встал с дивана.

На часах было без пятнадцати десять, когда тучный невы-

сокий мужчина слегла за сорок решил приготовить себе завтрак, так как его жена бессовестно дрыхла в кровати. Ей вообще не было знакомо понятие времени. Мартис задумался, размышлял ли он о времени раньше, когда был моложе. Для начала он не смог вспомнить, что когда-то был моложе. Разве у него не всегда была это проседь на висках? А морщины? Разве лишь недавно они начали танцевать по его лицу без передышки? Неужели и у него когда-то были силы быть везде одновременно и со всеми сразу? Разве что в мыслях.

Пока омлет умирал в агонии на сковородке, мужчина отыскал за диваном сумку жены и принялся в ней рыться, пока не отыскал заветные сигареты. Он закурил. Обычно такое случалось крайне редко. Ну, курение. В сумке жены Мартис лазил постоянно, надеясь найти там то ли записки от любовников, то ли хотя бы аромат чужого одеколona. А вот сигареты он буквально не переносил и курил исключительно, чтобы себе об этом напоминать.

Комната наполнилась отвратным запахом табачного дыма. Лестница ни разу не скрипнула, но мужчина догадался, что жена по ней спустилась. С ее-то весом и он едва ощущал в ней живой дух. Она буквально порхала над землей.

– Доброе утро, – буркнул Мартис, выдыхая дым.

Женщина замерла на ступеньках. Она знала, что он не курит. А он знал, что курила она. Ему было от этого противно, но обычно жена так мастерски все скрывала, что мужчина уступал ей этот порок лишь ради забавы. Этакая игра в

сыщика и преступника. В этот раз она прокололась, и он не преминул ей об этом «сказать».

– У тебя омлет сейчас сторит, – парировала Нина Мартис.

– Тогда брось его умирать и завари мне кофе.

Женщина послушно исполнила просьбу, попутно готовив пару тостов.

Больше в ближайший час они не проронили ни слова, заставляя друг друга гадать, кто же выиграл этот раунд. Через час противно зазвонил рабочий телефон, и Мартис оторвался от созерцания кухонной вазы. На другом конце бодрым и веселым голосом коллега высказывал свои ожидания по поводу сегодняшнего интервью:

– *Ну что, разобьем в пух и прах эту сомнительную передачку?*

– Не будь таким самоуверенным, у этого шоу уже тысячи фанатов.

– *Да ради бога, откуда им взяться, ни одного выпуска ж еще не было.*

«Донарс как всегда плохо разбирается в ситуации», – раздраженно подумал Мартис, желая побыстрее закончить разговор.

– Алек, этим людям обещают буквально все тайны Вселенной, окутанные ми-истикой, – мужчина нарочно наигранно протянул «и». – Проверь ближайшие супермаркеты. Спорю, ты не найдешь там ни одной упаковки фольги и ни одного дуршлага.

– Тебе бы лишь поиздеваться над моим хорошим настроением, Леон! Кто знает, может у них там и правда толпа пришельцев.

– До встречи через час, Донарс.

Мужчина сбросил звонок быстрее, чем коллега успел вставить еще хоть слово. Жена загадочно на него посмотрела, но, видно, не придумала, что сказать. Тогда он спросил первым:

– Ты сегодня занята после обеда? – Мартис знал ответ, но так хотелось с утра потешить свое самолюбие.

– Только если ты не скажешь обратного, – сказала Нина, мягко улыбнувшись.

Ему нравилось, когда она так говорила. Он позволял ей не работать, гулять до утра и заслушиваться речами неизвестных мужчины, потому что знал, что в любой момент мог все это прекратить, запереть ее дома и приказать весь день читать «Завоевание межпланетных пространств» Кондратюка. И она бы так и поступила.

– Тогда встретимся в парке часа в два, – он сказала это через чур утвердительно. – А, и дорогая, не включай сегодня телевизор. Там показывают одни антинаучные глупости.

Жена кротко кивнула, но все же спросила:

– Это связано с твоей работой? Правда собираешься смеяться над этими несчастными?

Мартис непроизвольно скривился. У его жены тоже был на голове невидимый дуршлаг. Но прежде, чем окончательно

разочароваться в браке, он услышал:

– Все-таки такого рода заболевания психики не редкость последнее время. Может не стоит их публично унижать?

Мужчина вздохнул, но не ответил. Разговоры о работе быстро его утомляли. Ему так и хотелось крикнуть: «Работа – это просто деньги, Нина! В этом нет ничего интересного или неправильного. Только источник заработка». Он собрался в впопыхах и вышел на улицу не попрощавшись. Предстоял долгий день. Мартис чувствовал это всей поверхностью тела. Казалось, даже воздух, залетающий ему в легкие, шептал об этом.

Мероприятие проходила в небольшого размера театре, и зал уже был неприлично переполнен, когда Мартис в него зашел. Сотни глаз на секунду задержались на его лице, а затем там же быстро испытывающее посмотрели на следующего вошедшего. Публичные мероприятия неосознанно выбивали мужчину из колеи, хоть он и провел на них почти всю свою осознанную жизнь. Никогда нельзя привыкнуть к завистливому, недоверчивому и фанатичному обществу телевидения. Можно сказать, быть такими была их работа. И его, собственно, тоже.

– Эй, Леон! – Донарс заметил его в толпе и поманил к себе в первые ряды.

Мартис мечтал оказаться подальше от сцены, чтобы изда- лека не видеть всю ту маску притворства, что цепляют на се-

бы работники телевидения. Но опять же – работа.

– Присаживайся, коллега. Думаю, видок отсюда будет, что надо, – сказал Алек, новенький, еще не знавший правил этикета журналистов, и поэтому улыбающийся совершенно искренне и без умысла.

– И что это значит?

– Что нам намного проще заметить какие-нибудь тонкости и молниеносно задать вопрос.

«Поработай лет двадцать и не будешь знать, куда от этих тонкостей деться», – мрачно подумал Мартис. Он пылился в первых рядах второсортных передач не первый год. И, наверняка, далеко не последний. Карьерный рост в какой-то момент стал для него синонимом пытки. Для того, чтобы еще глубже лезть в чужое грязное белье, ему слегка не доставало аморальности. «Это просто работа. Просто деньги», – мужчина повторял себе этот девиз последние двадцать лет.

Свет стал затухать, и журналист поблагодарил свое плохое зрение за то, что больше не видит счастливое лицо Донарса по соседству. Сцена засияла в лучах прожекторов, и на нее вышел тот самый ведущий, от которого у Мартиса сводило зубы. Легкая улыбка публике. Свет. Камера...

– Здравствуйте, наши дорогие зрители и телезрители. Я так рад, что вы активно поддержали это шоу. На обновление новостей на нашем сайте подписалось по меньше мере десять тысяч человек. А это немало для недельной рекламы, верно?

Зал зааплодировал.

– Мне очень тепло на душе от этих цифр. Но мы поговорим не об этом. Я обещал вам сенсацию, и сейчас вы ее получите.

Мартис слышал, как тысячи хищников, зовущих себя журналистами, приготовились к прыжку. Их наточенные до идеала карандаши уже скребли чистые бумажные листы блокнота в ожидании. Донарс закопошился в сумке в поисках своего набора. Сам мужчина просто принял позицию поудобнее и прищурил глаза, чтобы замазанное тональным кремом лицо ведущего не так сильно его отвлекало. Он знал свою работу. И она была не в том, чтобы записать то, что скажу люди на этой сцене, а в том, чтобы они сказали то, что он от них хотел.

Ведущий коротко пересказал превью из рекламного ролика, снова обращая внимание на всеми уже давно забытую Бетельгейзе. Тысячи каналов взрывали ее в памяти людей снова и снова на протяжении нескольких лет после происшествия. Но чтобы спустя пятьдесят...

– Но сегодня я не хочу говорить о звезде. Мне хочется обратить ваше внимание на то, как она повлияла на жизнь землян. В частности, тех пяти процентов населения, которые нам известны.

«А тебе известен процент актеров, умирающих на сцене прямо во время выступления?» – эта мысль была жестокой, но пришла в голову так кстати. Зал зашептался, шестеренки

в умах людей закрутились, невидимые дуршлагы были вытасканы.

– Один из вечных вопросов человечества: «Что же ждет нас после смерти?». Что, если я возьмусь ответить на этот вопрос прямо здесь и сейчас? Не спешите мне верить на слово. Но все же хотели ли вы познакомиться с людьми, чья жизнь оборвалась однажды, а после зажглась вновь? С теми, кто побывал в прошлом, а теперь пришел в будущее. Они вестники перемен, люди, способные доказать, что смерти не существует. Есть только.., – ведущий замолк, нагнетая обстановку. Его тяжелое дыхание было слышно в микрофон, словно он сам верил в то, что говорит. – Вы верите в реинкарнацию, дорогие друзья? – произнес мужчина почти шепотом.

Мартис плечом почувствовал, как у Донарса пробежали мурашки по телу. По нему самому пришлось целое стадо. Но вряд ли по той же причине. Просто журналист вдруг ужаснулся от того, насколько низко пало телевидение в попытке сохранить аудиторию. Он чуть не рассмеялся в голос на десяти тысячах подписчиков. Кого он хотел впечатлить? У большинства в домах телевизоры стоят лишь по старой памяти. Ну, а реинкарнация... Прожжённый скептик внутри Марти-са закурил сигарету и зевнул.

– Сейчас я хочу представить вам троих удивительных людей, приехавших в этот город – даже в эту страну – ради вас, ради правды, которая поможет нам всем больше не бояться смерти. Встречайте!

Зал взорвался аплодисментами, как будто людям за это платили. Или так и было? Мартис откинулся на спинку стула. Высокая женщина, сидящая перед ним в первом ряду, наполовину загораживала ему обзор, а он так хотел увидеть лица очередных фанатиков. Мужчина уже мысленно делил их на типы: запуганный проходимец, безработный бродяга, близкая знакомая сценариста... Этот список пополнялся нечасто, но, если такое случалось, Мартис уже считал, что развлекся неплохо. «Кто бы это ни был: хоть женщина, хоть ребенок – все на одно лицо, когда начинают врать» – статья в голове журналиста уже практически была закончена.

Однако мужчина никак не ожидал, что в следующую секунду на сцене появится и женщина, и ребенок. Они вышли молча, без лишнего пафоса и неуклюжих улыбок, хрупкая миниатюрная блондинка лет двадцати пяти и подросток, наверняка еще даже не окончивший школу. От удивления Мартис даже забыл, что участников должно было быть трое. Его словно облило холодной водой, и почему-то день показался ему еще более неудачным, чем утром. Отчего-то стало тревожно.

«Все-таки стоило выпить в утра», – подумалось мужчине, когда мальчик подал голос:

– Эм, здравствуйте, – он еле слышно пробубнил что-то еще, но даже в микрофон этого оказалось не слышно.

Несчастный подросток замялся, покраснел с головы до пят и перевел взгляд своих несчастных голубых глаз на ве-

дущего. Тот по-идиотски ободряюще ему улыбнулся. В зале вновь прокатилась волна шепота. Тогда заговорила миниатюрная блондинка:

– Добрый вечер, меня зовут Маргарет Авельсон, – она произнесла это без грамма дружелюбия, похоже, даже не пытаясь качественно отработать заплаченные ей деньги.

Затем девушка тоже попыталась поймать взгляд ведущего, но тот уже успел бессовестно удалиться за сцену, чтобы, по-видимому, разобраться с отсутствием третьего участника. Несчастные «актеры» были оставлены на растерзание публики. Один стоял, потупив взгляд, вторая без стеснения рассматривала зрителей в первых рядах. На секунду ее взгляд скользнул по Мартису, от чего тот вдруг почувствовал себя двадцатилетним мальчишкой.

– Вам заплатили за то, чтобы вы вышли на сцену? – донесся вопрос из зала. Похоже, это даже не был журналист.

«Правильнее было спросить, сколько им недоплатили, раз они стоят, ничего не говоря», – раздражено отметил Мартис, – «А еще лучше было бы спросить, видели ли они в глаза сценарий».

Тишина стала затягиваться. Где-то за сценой доносились гневные вопли ведущего. Вот на что бы журналист не отказался посмотреть. Удивительно, как быстро шоу себя исчерпало. Ничего даже не успело начаться.

Мужчина встал. Просто потому, что кто-то должен был сделать это первым. Затем стадное чувство все равно сдела-

ет свое дело. А ему здесь делать было больше нечего. Статья напишется где-нибудь завтра за ужином, бросится под руку шефу где-нибудь во вторник и умрет под грузом интересных новостей уже в четверг. Пусть и без лишнего пафоса, но достойно, как для второсортной статейки.

– Пойдите, сэр, – юношеский голос неожиданно заставила Мартиса замереть на месте. – Да, вы, здравствуйте, – мужчина развернулся к сцене, чтобы запечатлеть в своем разуме теплую улыбку веснушчатого паренька. – Извините, у вас, наверное, есть дела поважнее, но все же позвольте узнать причину вашего ухода. Разве вам не интересно, что будет дальше?

По залу прокатилась волна смешков.

– Нет, юноша, не интересно, потому что этот спектакль я смотрел уже тысячу раз, – мужчина почтительно поклонился и снова зашагал к выходу.

– Сколько вам лет? – не отставал мальчуган.

«Что ж, пожалуй, я сыграю в эту игру» – он показательно вздохнул и медленно вернулся на свое место под полную тишину зала и лишь затем как бы неохотно произнес:

– Сорок четыре.

– И вы, конечно, же знаете, как вас зовут?

Журналист усмехнулся:

– Ну естественно. Вот, смотри, у меня даже бейджик имеется, – он снял карточку с рубашки и показательно прочитал: – Леон Мартис, – ему показалось, что некоторые в зале

охнули.

Он не был выдающимся журналистом, но кое-какие его статьи бывало мелькали в крупных газетах. Поговаривали, что кому-то они даже нравились.

– Вы знаете, где родились?

– Кажется, в какой-то деревне на окраине Портсмута. Мы потом быстро перебрались в Бельгию, – уже более заинтересовано ответил мужчина. Женщина перед ним отчего-то неуютно заерзала на стуле и Мартис решил подняться, чтобы смотреть подростку прямо в глаза.

– И какой это был год?

– Ну, я думаю, ты и сам достаточно неглуп, чтобы посчитать. К тому же мне «посчастливилось» стать ровесником трагедии в Женеве, – снова послышались удивленные возгласы, как будто в этот год никто больше не рождался. К чему этот паренек клонил?

Мальчик, казалось, тоже был поражен, даже напуган. Его розовощекое веснушчатое лицо вмиг побледнело, юношеский блеск в глазах потух, и он словно постарел на несколько десятков лет.

– Мне... жаль, – заплетающимся языком произнес он, да так, что услышать могли только первые ряды.

Женщина впереди неожиданно затрясласть, и Мартис с испугом подумал, что у нее начался приступ эпилепсии. Но его отвлек очаровательно чарующий голос Маргарет Авельсон:

– И вы абсолютно уверены в своем поле? – отстраненно произнесла она.

Мужчине показалось, что его тоже начинает трясти:

– Да за кого вы меня принимаете!?! Конечно же я все это знаю и во всем уверен! Что за цирк вы разводите! Хватит отвлекать добропорядочных людей от более важных дел!

Он в порыве злости пнул кресло впереди и развернулся, чтобы уйти, но тут та самая подозрительная зрительница в первом ряду резко подскочила и изошлась пронзительным толи криком, то ли плачем и кинулась на сцену, грозясь кулаками несчастному подростку. Тот же вместо того, чтобы в испуге отскочить, замер, как столб, и не мигая, с грустью в глазах смотрел на свою нападавшую. Высокая и, похоже, достаточно мускулистая женщина успела пару раз ударить мальчика по голове своей увесистой сумкой так, что тот отлетел к боковой стенке и замер там. Затем неуравновешенную от него оттащила охрана. Дама вырывалась, скалилась и кричала на весь зал: «Не смей! Не смей извиняться! Твои слова ничего не стоят! Ты мерзкий, лживый убл...». А затем ей заткнули рот первой попавшейся тряпкой и увели со сцены.

Мартис стоял, не двигаясь, хотя, казалось бы, мог так же, как Донарс, подорваться и побежать спасать несчастного. Но его поразила эта сцена, и он хотел запомнить ее всю целиком: разъярённая обезумевшая женщина, мальчик со стеклянными глазами, блондинка, ставшая чуть поодаль и смотревшая на избиение не мигая, и ведущий, который прибе-

жал на крики и ошарашенно замер. Его искаженное страхом лицо Мартис запомнил отчетливее всего, а затем, насладившись этим с полна, он поднял с пола выроненные Донарсом блокнот и ручку. Правая рука как будто сама по себе взметнулась вверх. Наступила тишина. Слегка выждав, как полагалось только истинному профессионалу, журналист произнес:

– Ну что ж, господин ведущий, и как же вы это объясните? И в этот момент эфир прервался.

[Клинт Лайман]

Внутри него зародилось смятение. Он не знал, как это должно было отразиться на лице, но чувствовал, что познал нечто новое. Когда ту, что не жалея сил ударила его, увели охранники, наступила неловкая тишина. До этого момента Клинт не знал, что тишина может иметь эмоциональную окраску.

– Эй, ты как? В порядке? – какая-то женщина помогла ему подняться и провела за сцену, чтобы найти что-то холодное.

– Не переживайте, все хорошо, – мальчишка так искренне улыбнулся, что дама на порядок старше его вдруг смущенно отвела взгляд.

– В следующий раз, как увидишь, что тебя пытаются ударить, – уворачивайся, – обратился к Клинту показавшийся в проходе журналист, с которым ему посчастливилось беседовать пару минут назад. – И чего только застыл, как столб?

– Вы тоже были не особо поворотливы, сэр. Прекрасно понимаю, как тяжело быстро реагировать в ваши годы.

Клинт действительно представлял себе ситуацию, но из уст мальчишки это звучало издевкой. Раньше ему бы и в голову не пришло, что у одной и той же фразы может быть разный смысл.

Мартис заинтересованно глянул на юношу.

– А ты, похоже, из прямолинейных. Мне нравятся такие. Хотя твоя речь на сцене меня порядком вывела из себя. Что за ахинею ты, черт возьми, нес? Неужели канал уже не в состоянии заплатить даже сценаристу? – мужчина разочарованно вздохнул. – Не стоит участвовать в подобных мероприятиях, чтобы они там тебе не обещали.

– Ничего.

Клинту нравилось это слово на вкус. Такое ностальгически обжигающее.

– Что, прости?

– Они ничего мне не обещали. Это я им обещал, – он немного помедлил, ожидая, когда «зритель» созреет. – Мы все поклялись рассказать правду, но передумали. Нет, струсили.

Лайман наблюдал, как брови журналиста поползли вверх, придавая лицу глуповатый вид. Раньше Клинту нравилось удивлять людей, шокировать, вводить в ступор своими хаотичным и непоследовательными действиями. Скольких же он обрел этим на гибель?

– Хочешь сказать, что правда веришь в то, что эти люди пытаются всем навязать? Кому в здравом уме придет в голову вспоминать звезду, умершую столетия назад? Что нам до всего этого? Даже семейные разборки моих соседей и то показались мне интереснее! – Мартис задумчиво усмехнулся. – Эти идиоты уже почти одиннадцать лет совместной жизни не могут определиться, кто на какой стороне кровати спит.

Слушая в уже в пол уха, Клинт краем глаза наблюдал за только что зашедшей Маргарет, которая тут же направилась вдаль помещения. Именно там, в углу на скамейке, оставили тучную женщину лет тридцати со странно впавшими щеками и огромными синяками под глазами. В черных волосах уже блестела седина, взгляд был затуманен, возможно, она пила. На свой возраст женщина едва ли выглядела, но юноша подсознательно уже знал про нее все. Было достаточно лишь одной фразы, чтобы понять, за что та так его ненавидит. Он сам себя ненавидел за это.

Охранник стоял от женщины чуть поодаль, видно мало желая встречаться с ней лоб в лоб. На его щеке виднелся красный след от ногтей. Клинт инстинктивно потрогал рукой свой ушиб.

– Может все же обратиться к врачу? – вновь подала голос женщина, что привела его сюда. Он уже успел о ней забыть. Дурная привычка. – Вдруг это сотрясение.

Но подросток лишь в очередной раз покачал головой. Собственная боль его отрезвляла. Маргарет тем временем

о чем-то оживленно болтала с нападавшей. Неужели хочет предложить присоединиться? Это было меньшее, на что Клинт сейчас рассчитывал. Впрочем, у него была своя задача.

– Господин Мартис, – юноша прервал поток речи, который по-прежнему продолжал литься из рта журналиста. – то, что я говорил на сцене..., – он замялся. – В общем простите...

– Да не переживай, я и не такого наслушался. Главное, больше не лезь в подобное, и все будет хорошо, – Леон Мартис по-отцовски потрепал Клинту волосы, от чего у того по всему телу пробежали мурашки.

Юноше отчего-то стало чертовки неловко рушить его устоявшуюся систему мира. Наверняка, он неплохо живет, игнорируя все, выходящие за пределы нормы. Даже можно сказать – правильно. Чем сильнее забиваешь голову всякими «а если», тем глубже погружаешься в сомнения. Леон Мартис отрицал сомнения. Это было видно по его невозмутимому лицу. Скажи ему любой доказанный факт, о котором он не знает, и мужчина найдет тысячи способ доказать его нереальность. Привычки журналиста въелись в самую суть его личности. Рушить такую стабильную систему – сущее преступление.

– Простите, – снова повторил Клинт, – но я говорил серьезно. Боюсь, что все те вопросы, на которые вы так легко отвечали в зале, являются самыми сложными для нас.

– И почему же? – все также беззаботно поинтересовался Мартис, попутно провожая взглядом симпатичную девушку, помогшую пареньку.

– Потому что все мы жили пятьдесят лет назад, умерли и переродились вновь. Вы ведь слышали, как ведущий говорил о реинкарнации? Может, он сам в это и не верит, но мы пришли сюда не ради шоу, а ради помощи.

После этих слов подросток – нет, мужчина – почувствовал на себе тяжкий груз вины, который упал в бездонную яму его сожалений.

[Леон Мартис]

Сколько может длиться одна жизнь? Десять лет, тридцать, восемьдесят? Этого в любом случае всегда мало. А потом все начинается сначала? Или идет дальше?

Леон Мартис думал об этом не больше десяти секунд, прежде чем дать свой обычный скептический ответ, но сам факт того, что эта мысль закралась в его голову, уже был отклонением от нормы.

– И чего ты ждешь от меня, смотря такими щенячьими глазами? – его мутило от притворства практически на уровне хронической болезни.

– Осознания, что весь мир не станет подстраиваться под ваш представления.

– То есть ты действительно веришь в эту чепуху?

Мальчишка промолчал. Журналисту нравилось, что он не

имел привычки отвечать на очевидные вопросы. Решив смелить тему, он произнес:

– Так почему же на такого безобидного паренька, как ты, набросилась та дамочка?

– Видимо, потому что знает, кем я был в прошлой жизни, – без раздумий бросил Клинт и снова отвел взгляд в сторону.

В этот раз Мартис за ним проследил. Две женщины о чем-то крайне заговорчески шептались. Да так, словно тысячи лет знакомы. Мужчина вспомнил, что Маргарет тоже не проявила никакого желания помочь несчастному на сцене. Значит, они в заговоре? Все женщины – ведьмы, не иначе.

– И кем же ты был? – уже слегка раздражаясь спросил журналист.

– Чертовки поганым человеком, – с ужасной горечью в голосе ответил юноша.

Не успел мужчина что-то сказать, как парень засеменил в сторону своих знакомых, словно бы потеряв интерес к собеседнику. Если бы Мартис хоть что-то смыслил в манипуляции людьми, тут же бы догадался, в чем тут дело и наверняка не совершил бы самую большую ошибку в своей жизни. А может, наивысшее благо? Почем чуть более, чем заурядному журналисту знать? Он всего лишь пошел вслед за мальчиком, который возомнил себя взрослым. Возможно, затем, чтобы помочь ему, а, возможно просто потому, что всегда хотел сына.

Маргарет тут же окинула его оценивающим взглядом, коим, похоже, забыла удостоить накануне. И было в этом что-то настолько неловкое, что мужчина перевел взгляд на сумасшедшую, сидевшую рядом. Она его как будто и не заметила. Все ее внимание было устремлено на мальчишку. Вена у нее на лбу сильно вздулась, а глаза покраснели. Мартис инстинктивно загородил Клинта рукой.

– Амелия, мы уже обсудили ситуацию. По-другому никак, – миниатюрная блондинка положила руку на плечо женщины, но та ее тут же стряхнула.

Краем глаза журналист заметил, как охранник рядом слегка отодвинулся в сторону. Вот именно так и должен вести себя здоровый человек в подобной напряженной ситуации. Если он, конечно, не охранник.

– Это не значит, что я готова с этим смириться. Одна только мысль о том, что он дышит со мной одним воздухом, побуждает достать пистолет и выстрелить. То ли в него, то ли в себя, – Амелия сделала попытку подняться со скамейки, но Маргарет удалось ее удержать.

Мужчины стоял с мыслью о том, что имя Амелия чертовки не подходит этому огромному кому ненависти.

– Я не собираюсь без устали напоминать, ради чего это. И не хочу терять, возможно, единственный шанс на спасения из-за ваших, кхм, разногласий, – она чеканила слова так, словно не меньше двадцати лет прослужила в армии. – Леон, так вы готовы нам помочь?

Мартис на секунду опешил, услышав из ее уст свое имя. Мало кто обращался к нему так. Большинству было комфортнее называть фамилию, ни таящую в себе никакого личного отношения. Нина, возможно, была единственным человеком, помимо постоянно докучавших соседей, кто называл его так.

– В чем? – выдержав неприлично долгую паузу, спросил он, чуть ли не стесняясь своего незнания.

Однако осуждающий взгляд заслужил Клинт. Он в мгновение ока сжался, словно провинившийся щенок и тут же перестал казаться взрослым. Похоже, любая провинность заставляла его чувствовать себя ничтожным по какой бы то ни было причине.

– В нашем плане по потере памяти, – как можно мягче постаралась произнести девушка. Но у нее это не особо вышло. – Леон, вы ведь не верите нам, верно? Я прекрасно понимаю, что в такое поверить сложно, практически невозможно. Особенно человеку вашего склада ума.

– И что это значит!? – журналисту казалось, что над ним попросту потешается кучка самодовольных актеров настоящего театра абсурда.

– Это ни в коем случае не в плохом смысле. Просто мы с вами во многом похожи, и мне не трудно понять ваш ход мыслей, – Маргарет ностальгически запрокинула голову. – Моя жена всегда говорила, что я попаду в ад, где буду вынужден испытать все ее мучения на своей шкуре. Что ж...

Мартис ошарашено уставился на нее. Не то чтобы ему было незнакомо понятие гомосексуализма. Он даже написал несколько статей по этой теме лет в двадцать, когда это еще было модно. Мужчина уже даже был готов отпустить какую-нибудь шутку, связанную со своим удивлением, но девушка, к счастью, его опередила:

– Не спешите с выводами, Леон. Поверьте, моя жена меня бы даже не узнала, заявись я к ней в таком виде. Прежде я носила лишь джинсы да шорты, мылась раз в неделю, а волосы всегда была сострижены под ноль, – ее голос в этот момент стал крайне хриплым. – Я была мужчиной. Да что там мужчиной, неотесанным мужланом под два метра ростом и каждодневным перегаром, – она закусила губу.

С этот раз журналист отшатнулся, чуть не налетев за стоявшего сзади Клинта, который тут же забормотал извинения словно мантру.

«Сумасшедший дом» – пронеслось у него в голове, разум затуманился, и сразу стало понятно, что Мартис вот-вот упадет в обморок. Благо, помощь не заставила себя долго ждать и уже через секунду неестественно грубые и сильные женские руки очаровательно блондинки вместе шуплыми и сухими ручонками подростка выволокли мужчину на свежий воздух, усаживая на ближайшую скамейку. Амелия осталась сидеть внутри, проводив эту процессию безразличным взглядом.

Прежде здоровье журналиста не давало сбой. Конечно, у

него, как у многих, иногда ломило в коленях или вдруг начала болеть голова. Но это тоже было неотъемлемой, практически необходимой частью его профессии. А вот головокружение и обмороки никуда не годились.

– Наверное, я была слишком резка, – Маргарет уселась рядом.

Но было слишком поздно для извинений. Теперь на ее фоне он чувствовал себя старым дедом, который хлопается в обморок из-за любого потрясения.

– Сначала нужно думать, а потом говорить! Вот же ж в самом деле нашли дурака! – Мартис резко подскочил со скамейки и, игнорируя легкое чувство тошноты, зашагал прочь.

Никто за ним не пошел. Похоже, им тоже надоело играть. Было непонятно, почему они к нему так прицепились. Возможно, хотели обобрать. Сейчас было важно только добраться к машине. Потом можно позвонить Нине и попросить приехать домой. Они вместе утонут в безликой рутине и всплывут, желательно, не раньше следующей недели. А там можно и снова совершить какой-нибудь абсурдный поступок, типа сегодняшнего, чтобы как-то развеять скуку.

Уже подходя к машине, Мартис заметил, что на нее облокотился высокий темноволосый мужчина в кожаном пальто и неприлично больших черных очках, практически спадающих с него.

– Вам все-таки стоит передумать, пока не поздно, – не особо церемонясь, сказал он.

– Раз собрались мне угрожать, объясните хотя бы по какому поводу, – журналист, игнорируя подозрительного незнакомца, достал ключи и, разблокировав машину, подошел к водительскому месту.

Ему не раз доводилось встречаться с подобными «смельчаками». Уж сколько на памяти было случаев, когда какой-нибудь мутный тип решал поиграть в тайного агента, чтобы заставить переписать статью под свои запросы. Если бы Мартис послушался хоть одного, его репутация была бы безвозвратно растоптана и сожжена.

– Боюсь, мои коллеги не особо профессионально подошли к раскрытию вопроса. Давайте, я постараюсь объяснить.

– Не утруждайтесь, – с напором произнес Мартис и сел в машину. Его голова гудела.

Однако на этом разговор не закончился, так как мужчина бессовестно уселся на пассажирское сидение.

– Что вы творите!? Немедленно выйдете из моей машины!

– Вам не стоит меня бояться, я просто хочу рассказать вам правду. Ну, или на худой конец отличный материал для статьи, – сказал мужчина, не сдвинувшись с места.

Мартис внимательно оглядел его и пришел к довольно очевидному выводу:

– Вы один из их шайки, верно?

– Шайки? А вы, смотрю, не стесняетесь в выражениях. Впрочем, я это уже отметил, наблюдая за вами в театре.

«Отлично, он еще и наблюдал за мной» – журналист по-

ежился и уже подумал бросить машину и бежать как можно дальше.

– Моя «шайка», признаться честно, просто не умеет общаться с людьми. Внутри них столько противоречивостей, что на социальную адаптацию попросту нахватает сил. Не судите их строго, просто им всем крайне нужна ваша помощь. Ну, и мне, конечно.

Мужчина как бы невзначай снял свои глупые очки, и взору Мартиса предстала достаточно интересная картина: глубоко посаженные карие глаза, которые в совокупности со слегка сплюснутым носом, тонкими губами и темными волосами давали абсолютно типичную внешность данного региона. Иначе говоря, в нем не было ничего особенного. Журналиста это позабавило. Очки. Именно такой прием используют многие люди с «прохожей» внешностью, чтобы добавить себе хоть немного загадочности.

– Моя помощь? – произнес Мартис, сдерживая ехидство в голосе. – Вы, стало быть, тоже переродились? И какая в этом проблема? Ну живите себе дальше и помалкивайте. Не обязательно пушить хвост на телевидении, чтобы ловить завистливые взоры простых смертных.

– О, поверьте, вы и не представляете, какую крест приходится нести каждому из нас.

– Ну так несите его молча. Меня лично дома ждет жена, а вас уже, наверно, заждались друзья, – мужчина попытался вытолкать незнакомца из машины, однако тот не сдвинулся

ни на миллиметр. – Мне позвать охрану? – в тайне он надеялся обойтись без этого, вспоминая мягкотелого охранника сумасшедшей Амелии.

– Вашу жену зовут Нина, так ведь? – брюнет посмотрел журналисту прямо в глаза, не скрывая странного ликования.

И в этот момент мясистый кулак Мартиса прилетел ему в челюсть.

[Маргарет Авельсон]

Она ходила взад-вперед, не находя себе места. Ее колотило, словно от озноба, потому что все шло не по плану.

– Ты не могла бы наконец взять себя в руки? – грубо отозвалась Амелия, выходя на свежий воздух.

– Это как? – нервно пробормотала Маргарет.

У нее чесались руки. Если сейчас это не обуздать, то кто-то может пострадать. Также, как когда страдала Джоанна. Изо дня в день. Постоянно.

– Просто дыши. Подумай о чем-то позитивном, – подключился к решению проблемы Клинт.

Он бесил Маргарет больше остальных. Скорее всего потому, что они были безумно похожи. Оба отрицательные персонажи, пусть и разного масштаба.

– Как? Как тебе удастся так ловко жить в этом теле? Так...– она буквально давилась собственными словами, постоянно набирая ртом воздух, – ..спокойно рассуждать. Ты и в самом деле тот, кого показывают по телевизору и кому выделяют

целые параграфы учебников?

Клинт лишь пожал плечами, видно не желая говорить об этом. Особенно в присутствии женщины-цербера, готовой в любой момент даже без команды отправить его в пучины ада.

– Я ведь ненавижу в себе это. Я...пытаюсь быть добрее к людям. Но как только что-то идет не по-моему...

– ...ты словно взрываешь изнутри? – продолжил подросток.

Она так и думала. Он понимает ее.

– Тебе тоже знакомо это чувство? – с животным ликованием произнесла девушка.

– Нет, его я еще не испытал.

Юноша достал из кармана джинс тонкую записную книжку и огрызок карандаша и что-то быстро законспектировал, предпочитая оставить это без комментария.

– Этот план, он точно сработает?

Вдох. Выдох. Не здесь. Не сейчас. *Он* обещал себе, что в этой жизни все будет по-другому.

– Нет ровно никаких гарантий. Но это наш единственный шанс, – Клинт успокаивающе похлопал девушка по плечу, что со стороны выглядело немного странно.

– Иначе говоря, замести следы, избавиться от улики, верно? – едко отметила Амелия. – Ведь так проще. Зачем что-то переосмысливать, пытаться исправиться, если можно просто стереть себе память.

– Ты как-то не выглядишь особо счастливой. Сколько те-

бе? Пятьдесят?

Он всегда начинал язвить, когда бесился. А еще путаться в собственных мыслях. Она старалась думать, как правильно, но эта извечная борьба в голове медленно сводила с ума.

– Где-то около тридцати. Я угадал? – Клинт постарался добродушно улыбнуться, что, судя по лицу женщины, чуть не опустошило ее желудок.

Когда же вернется Он вместе с Мартисом? Если она еще хоть секунду пробудет в одной компании с этими чокнутыми, то бесповоротно слетит с катушек. Не надо было прилетать сюда. Не стоило и пытаться это изменить. Он. Она должна прожить жизнь в женском теле, и каждый день вспоминать обо всех своих грехах. Так будет правильнее всего.

Прекрасная ранее погода начала ухудшаться: ветер неприятно задувал в уши, попутно заносит пыль в глаза, небо затянуло тучами в ожидании дождя. Природа словно имела свое мнение на сложившуюся ситуацию.

– Mist!¹ – по привычке выругался тот, кем некогда была Маргарет Авельсон, когда ливень обрушился на их головы.

[Леон Мартис]

Он молча стоял на тротуаре, пока мужчина безуспешно пытался закрыть машину.

– Ты...это. Там кнопка заедает, – с неким ехидством подсказал Мартис. – Я б помог, да вот руки связаны.

¹ «Черт!» (нем.)

Преступник никак не отреагировал на это, что взбесило журналиста больше, чем должно было. Сегодняшний день казался ему абсурдным, и не стремился становиться хоть капельку лучше. После того, как кулак Мартиса отпечатался на лице этого остроязычного прохвоста, паршивец со всей дури ударил в ответ. Как минимум сотрясение мужчина себе заработал. А попутно пару синяков и отекие руки, сильнее необходимого завязанные веревкой. Кем бы ни был этот чокнутый, боевая выучка у него была что надо. В данных условиях журналист и секунды не думал о побеге.

– Какого черта тебе нужно от моей жены? – злобно шикнул Мартис, пытаясь взглядом найти хоть одного прохожего в районе.

Однако везение никогда не было его специальностью. Все-го всегда нужно было добиваться собственными силами. Так его учила мать. Особенно сильно это впечаталось в его душу после того, как никакие всевышние силы не уберегли шестилетнего ребенка от роли сироты.

– Ваша жена – прекрасная женщина. Уверен, вы очень дорожите ей, – машина наконец мигнула огоньками, и мужчина махнул Мартиса, чтобы тот следовал за ним. – Не смотрите на меня так. Я пытался быть вежливым.

– Вы все психи, так что какое мне дело до ваших манер. Вежливый псих менее опасным мне не кажется.

Сколько нелепых угроз журналисту довелось слышать ранее. Догадаться, что он женат не трудно, а вот дальше, как

правило, у этих «смелых» ребят начинался ступор.

– Я ведь пытаюсь вам помочь. Поймите правильно, вы не обязательный пункт нашего плана, но просто хотелось бы обойтись без лишних жертв. Разве это плохо? – он подтолкнул Мартиса вперед, чтобы загородить прохожим зевакам вид связанных рук.

– Как минимум плохо то, что вы уже включили жертвы в свой план. А убитые вами тоже переродятся? Или вы в свою секту никого не выпускаете?

– Вас впустим, – исчерпывающе ответил мужчина и замолчал.

Дождь уже лил как сумасшедший, когда Мартиса запихали в тесный, пропитанный запахом пота и прокисшего молока грузовик, едва ли рассчитанный на то количество людей, которое в нем уместилось. Все его новые знакомые были в сборе. Клинт попытался извиниться, но свирепый взгляд Амелии пресёк это на корню. Странно было, что мужчина даже почувствовал с мальчишкой некое родство. Таким же зашуганным был и он сам добрых тридцать лет назад. Это сейчас можно было кичиться своими непомерными амбициями, как скидками в брендовых магазинах, развлекать себя, а не людей, ходя на сомнительные мероприятия, и жить так, будто каждый тебе должен. Но чем такой человек, как Леон Мартис мог похвастаться раньше? Неплохими условиями сиротского приюта, построенного на пепелище старого

дома? Найденным жильем на окраине города в оплату за бесконечное мытье сортиров? Или первой опубликованной статьей, которая позволила ему не умереть от голода? Сейчас было смешно об этом вспоминать, но, смотря на этого юного и уже за что-то побитого жизнью мальчика, его бросало в жар воспоминаний. И теперь у них обоих на лице красовался красный след от удара.

– Эй, Клинт, дружище, не развяжешь меня? – учтиво попросил мужчина, почувствовал, что грузовик тронулся с места. Если бы только написать Нине.

Мальчишка уже было потянулся это сделать, но Маргарет резко его одернула:

– Мы не знаем, что он может выкинуть. И так ушло слишком много сил на никому не нужное переубеждение скептика.

– Ну уж извините, что вы больше сходите на чокнутых похитителей, чем на перерожденных! – буквально взвыл Мартин, уже просто не находя слов для описания ситуации. Ему хотелось молить их об освобождении, однако гордость еще теплилась где-то в районе груди, так и выпирая всем на показ. – Атмосфера не располагает к мирному диалогу.

– А чего вы от нас хотите? Мирно мы уже попытались. То, что происходит сейчас, крайние меры, которые мне тоже не особо нравятся, – это была первая, сказанная Амелией рациональная фраза. – Я здесь только по одной причине.

Внутри фургона было темно, но каждый знал, куда устре-

мился взгляд женщины.

– За что вы так ненавидите беднягу? – попытался сгладить углы журналист, практически смиряясь со своим положением.

– Беднягу? – хохотнула она. – А вы, значит, ведетесь на смазливенькое личико и потупленные глаза? Я вот вижу его насквозь. Не поверите, но мне было достаточно только взглянуть на него. Да что там. Уже идя на это шоу, я знала, что встречу его. Чувствовала, что он жив. Ребенок или нет – это неважно. Нас делают «нами» те воспоминания, которые мы накапливаем. И от этого никуда не деться. Думаю, каждый здесь пытался забыть «прошлое». Но вот вы все сидите в этом грузовике в надежде, что кто-то сделает всю работу за вас, – она неожиданно положила руку на плечо Мартис, видно показывая обращение к нему. От неожиданности сердце мужчины на секунду пропустило удар. – Они хотят стереть те воспоминания, которые накопили в прошлой жизни. Избавиться от «прошлого» себя. Отделить свою душу от тела.

Спокойный голос Амелии оказался настолько мягким, что все замерли. Стал отчетливо слышен звук проносащих по трассе машин. Мартису вдруг подумалось, что его машину наверняка эвакуируют, если он не вернется до вечера. Если он не вернется...

– Я..., – он не нашелся, что сказать.

Его сознание просто пыталась уцепиться хоть за кого-то, чтобы не сойти с ума. Мартис уже давно балансировал на

границы, сам того не признавая. Его жизнь была тихой и размеренной, но иногда в него закрадывалось множество сомнений, которые хохоча показывали картинку прошлого, шептались на ухо истории о мальчике-сироте, который остался один. И так будет вечно.

– Ты не обязан нам доверять, – Амелия снова усмехнулась, и это начинало казаться жутким. – Но как насчет личного интереса? А, мистер-журналист-Мартис? Слышали что-нибудь об экспериментальной лаборатории за городом? Я вот нет. Но остальные, похоже, знаю больше нашего. Они накопили немало информации и, видно, обладают еще большей, если готовы пойти на такое безумие, как проникнуть в секретное и безумно охраняемое здание.

– Мы достаточно подготовлены, – немногословно ответил мужчина, ведущий машину.

– Оливер – глава нашей операции. Он был тем, кто собрал нас, – пояснила Маргарет.

Мартис с трудом понимал, как к ней теперь относится. Среди всех она вызывала в нем больше всего смешанных чувств. Если все окажется правдой, то ему тоже придется стереть память, чтобы забыть о мужчине внутри этой привлекательной девушки.

Больше никто не говорил, и какое-то время они ехали молча.

[Амелия Риксли]

– Значит, ты, Маргарет, в прошлой жизни была мужчиной? – вдруг спросила Амелия, желая получше узнать свое окружение.

Девушка сначала как-то странно на нее посмотрела, но потом смягчилась в лице и смиренно кивнула.

– И сколько тебе было?

– Почти сорок два.

Внутри женщины все сжалось. Она всегда болезненно реагировала на цифры возраста, хоть и сама давно переросла свой прошлый. Это стало дурной привычкой – считать года. И как бы ей не хотелось радоваться каждому прожитому часу, Амелия медленно растворялась в собственной памяти. Вторая жизнь из чуда превратилась в проклятье, потому что она мысленно считала свои вдохи и как замороженная прибавляла их к тем, что не смогла сделать в прошлом. Если бы только не память... Возможно бы она была счастливее, но ценность жизни не познала бы ни на йоту.

– А тебе? – раздался в душном вагоне мальчишеский голос.

Ярость кипела в венах, не давала дышать, не давала жить. Ведь дар, данный ей, почему-то был подарен и ему, самому худшему из людей.

– Тринадцать! – вскрикнула Амелия так громко, чтобы это ударило ему по голове. – И не смей говорить со мной, словно имеешь на это право! Ты меня не знал. Я ничего тебе не сделала, а ты отнял мою жизнь, ни разу не задумавшись, –

она перешла на тон выше, почти вопя. Как бы ей хотелось докричаться до него. Перевернуть его и весь мир вверх ногами. – Мою мать звали Мирела, ты знал? Она работала на одной из тех жутких фабрик, что тогда строили во всей Европе впопыхах. Ей от природы было чуждо чувство страха, и она всегда приносила домой несколько подтаявших шоколадок. Мама никогда не носила колец, даже обручального, ты знал!? – из глаз покатались слезы. – Она считала, что любовь не измеряется в вещах, и на деньги со свадьбы купила отцу новые туфли. А ты стер ее, словно грязь с белого платья! Я...

Женщина замолчала, почувствовав, как на ее руку опустилась другая, мужская. Было темно, но она чувствовала на себе успокаивающий взгляд Леона. Он ничего не говорил, видно боясь выдать свое неверие, однако этого было достаточно.

К плечу журналиста, словно крыса, жался Клинт, как он теперь себя называл. Глаза подростка блестели невинностью, и Амелия чувствовала, что ее сейчас стошнит. Она была так близко к своему собственному убийце, спрятавшемуся за личиной ребенка. И они поменялись ролями. Колесо жизни повернулось, и теперь припечатанным к земле должен оказаться Он.

– Выходим, приготовьтесь, – раздался голос с переднего сидения.

Риксли выдохнула. Ее месть свершится. Осталось лишь еще немного подождать.

[Леон Мартис]

Машина остановилась резко и практически выплюнула из себя пассажиров на расположившуюся посреди леса поляну. Мартис выбрался, громко кряхтя, но никто и не подумал ослабить его веревки. В нос ударил запах липы, а глаза залило ярким светом. Деревья сомкнулись вокруг поляны плотным кольцом. Стояла неведомая городу тишина, только ветер гладил верхушки.

– Весна в этом году выдалась отличная, – как не в тему выдал Мартис, привыкший по долгу службы отмечать такие детали.

Похоже, это поэтическое замечание очень впечатлило путешественников из прошлого, потому что его руки наконец оказались свободны. На вопросительный взгляд Оливер ответил:

– Не вижу больше в этом смысла. Мы сейчас за городом. К тому же, для дальнейших действий нам нужна ваша помощь, как человека свободного.

– Мне развести тут костер или что? Палатки поставим, пожарим сосиски, и вы порасказываете свои страшилки о прошлых жизнях. Если это так, то я даже, черт возьми, готов согласиться, – ему в голову пришло лицо Нины, которая будет ждать его в парке, словно верная собачка. Но она ни за что не подумает, что его похитили. И никогда не пойдет в полицию.

– Уверен, это прекрасная мысль, но этим мы, надеюсь,

займемся сразу после, – мужчина, поправив свои темные очки, поманил всех за собой.

Мартиса никто не позвал и не потащил с собой, оставив, словно дьяволы-искусители, рядом с незапертой машиной. И Мартис лишь на секунду заколебался. А потом человек внутри него упал без сознания, давая заново родиться дотошному журналисту, чурающемуся здравого смысла.

Компания, бросив машину посреди поляны, нырнула в лес. Листва хрустела под ногами. Венгерские леса обычно достаточно густые там, где не были вырублены завоевателями из Азии. Этот не был исключением – за десять шагов перед собой трудно было разглядеть хоть что-то через листву. Все старались поспевать за Оливером, но тот шел так воодушевленно быстро, что со временем перестал быть виден. Остальные шли на ощупь. Амелия твердым и уверенным шагом, Маргарет едва тревожа листву под ногами, Клинт бесшумно.

Мартис тоже шел. Мысли о побеге заглушал шорох листьев у самых ушей. Голова з аполнилась запахом липы.

– Я раньше жила в такой же чаще, – заглушила тишину Маргарет.

– Правда? – отозвался Мартис.

– Мы с женой решили купить домик подальше от людских глаз. Точнее я решил, а у нее не было выбора. Шла война, в которой мне совершенно не хотелось участвовать.

– Ты помнишь войну? – подключилась Амелия.

– Не сильно. Когда она тихо началась во Франции и перекинулась на Италию, я решил, что пора бы залечь на дно. Когда загорелась Женева, мы были уже в Эстонии. Ну а там забрались в такую глубинку, что ни одному солдату не найти.

– Вот как? Прятались от сражений?

– Скорее от тех, кто меня к ним принуждал, – усмехнулась девушка таким нежным и искренним смехом, что журналист тут же остановился у ближайшего дерева вдохнуть побольше воздуха.

– И что же сейчас? – продолжала Амелия.

– А сейчас я готов на любую битву лишь бы не встречаться со своей женой. Расцениваю это не иначе как шутку судьбы, – прошептала Маргарет и отодвинув очередную ветку.

Лес потихоньку начал редеть, кое-где стали встречаться абсолютно голые деревья. Мартис шел как замороженный, слушая речи спутников и с трудом переступая с ноги на ногу. Новая обувь натерла ему немалые мозоли, и каждое соприкосновение кожи с кожей заставляло заново и заново ненавидеть производителей обуви.

– Ну вот мы и тут, -выдохнул мужчина, повторяя слова, которые одними губами прошептала блондинка.

Мартис почти врезавшись в ее хрупкое тельце, когда она резко остановилась. Он выглянул у нее из-за плеча и наконец понял, где оказался. От леса не осталось и следа. Давным-давно выжженная земля, казалось, все еще горела огнем. Трава росла сухая и безжизненная. Глубокие кратеры от

бомб изрыли тут все. Место, о котором все знали, но никто не совался. Поговаривали, что сюда убийцы привозят своих уже мертвых жертв, чтобы закопать.

В одном из самых больших кратеров журналист своей врожденной близорукостью разглядел очертания лаборатории, которой едва ли предполагалось тут быть. Низкое, скорее всего двухэтажное закольцованное здание практически без окон буквальноросло из земли. Множество труб, словно корни впивалось в землю и присоединялось к «телу». На крыше оставшиеся трубы выдыхали дым. Вокруг конструкции как цветы росли антенны и солнечные батареи. Лаборатория была окрашена кирпичного цвета краской, потрескавшейся от палящего солнца и оттого выглядевшей злоеще. Как-то так Мартис в детстве представлял себе корпорацию зла, которая отняла у него семью. Ее ли он искал всю жизнь?

– ...ина Мартис, – услышал мужчина обрывок фразы, вернувшись из своих размышлений.

– Что? Что ты сказал?

– В этой лаборатории работает Нина Мартис, – терпеливо повторил Оливер, глядя Леону прямо в глаза и наблюдая как они медленно расширяются. – Это то, что я пытался тебе сказать, когда ты меня ударил. Не самое твое разумное решение.

– И я готов быть неразумным еще раз, если ты посмеешь впутать в это мою жену.

– Но я говорю правду.

– Да чертос два! Моя жена – домохозяйка. В ее голове едва ли уложится что-то сложнее, чем сумма на банковской карте, – Мартис чувствовал, как его руки снова сжались в кулаки.

– Он...говорит правду.

[Клинт Лайман]

Клинт повернулся, чтобы понять, кто это сказал, но слова вырвались из его собственного рта. До этого мальчик не издавал не звука, уткнувшись носом в свой блокнот и строча в нем все новые и новые предложения. Раньше, бывая в лесу, Клинту никогда не доводилось ощущать течение его жизни. Но как странно! Этот лес был живым! Ветер был дыханием, птицы – глазами, олени – ногами, а ветви деревьев – руками, цепляющими новых знакомых. Изучал ли кто-то доселе этот невероятный феномен? И если да, то почему никто не рассказал об этом мальчику в прошлой жизни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.